

ЧАСТЬ 1

Глава 1

Весенний воздух полон магии. Жаль, не все это замечают.

Дэну Цветкову сегодня было не до волшебства. Он спешил на запись новой песни, прокляпанные казаки высекали искры из асфальта. Холодный весенний ветер развевал волосы, а редкие прохожие шарахались в стороны, стараясь не попасть под раскачивающийся в его руках гитарный кейс. Дэн шел слишком быстро для воскресного утра, ломая общий неторопливый ритм.

В голове звучала песня, и мира вокруг не существовало. Все инструменты и голоса сливались в единый мощный ансамбль. Когда-нибудь, он надеялся, люди научатся записывать мелодии прямо из собственного сознания. Никаких репетиций, споров с коллегами-музыкантами, не понимающими замысла композитора, никакой фальши. Только чистая поэзия незамутненной гармонии. Именно так все звучало в его голове. Идеально.

Длинные ноги в кожаных штанах несли его по Москве и в нужный момент спустили вниз. Набойки процокали по мрамору ступеней метро. Он вошел в вагон и плюхнулся на свободное место, глядя сквозь пожилую пассажирку напротив. Было в его взгляде что-то странное, даже неживое. Женщине стало неудобно. Она уже решила пересесть на соседнюю лавку, но чудной молодой человек вышел на следующей станции. Не замечая спящих мимо

людей, он прошел по переходу на другую ветку, а когда полупустой вагон закачался, разгоняясь, прислонился, вопреки правилам, к дверям.

А потом свет на секунду померк, словно отрубили электричество. Остро кольнуло в затылке, в глазах поплыли зеленые хлопья. Поезд дернулся, сбавляя ход, свет в вагоне моргнул, и тут же в окнах замелькали черные фигуры людей на перроне. Дэн помотал головой, закрыл с силой глаза, и, сам того не замечая, прикусил губу. На секунду перед закрытыми глазами вспыхнул огонь, в черной пустоте замерцали зеленые вспышки. Стало страшно, словно он оказался на краю пропасти.

А потом в голове снова заиграла музыка. Сначала тихо, даже робко, потом все громче. Когда Дэн открыл глаза, все было как обычно. Только пахло горелой резиной. Люди качались, держась за поручни, словно коалы за ветки эвкалипта. Вагон остановился под бодрый речитатив диктора.

Что это только что было?

Дэн вышел на перрон, поднялся по лестнице наружу и, прищурившись от яркого солнечного света, пошел в толпе. Черный гитарный кейс в его руке тяжело покачивался в такт шагам. Он быстро прошел знакомым маршрутом, впечатывая ботинки в асфальт в такт музыке, игравшей в его голове. Кивнул вахтеру на входе в здание бывшего завода «Москвич» и прошагал по коридору к двери репетиционной.

Когда он вошел, музыканты уже настраивались. Дэн бросил сухую на колонку, кивнул каждому и подключил гитару. Песня все еще играла в его голове, он спешил присоединиться к ней сам и ввести партии музыкантов. Только бы они ничего не испортили!

— Погнали?

Никогда еще «Атолл Бикини» не играли воодушевленной, чем сегодня. Звук был плотный и, как сказал бы хозяин студии дядя Боря, фирменный. Каждый из четверых музыкантов вел свою партию, такую, казалось бы, несовместимую с другими, а в итоге

рождались музыка. Звуки инструментов сплетались в единое целое, и над всем этим летел вокал Дэна. Звонкий и проникновенный, он бы мог обогнуть земной шар и вернуться обратно, если бы не ячеистые панели на стенах, которые безжалостно поглощали звук.

Музыка пульсировала в тесном пространстве комнаты, она обволакивала каждую клеточку тел музыкантов, резонируя с их костями и мышцами. Басовый барабан бил молотом в грудь, струны рвали пространство в клочья, а бас-гитара собирала все заново из разрозненных, бешено летающих по комнате осколков. Это и было настоящим чудом, магией, которую способны ощутить лишь посвященные.

Живые звуки музыки постепенно брали верх над идеалом, рокотавшим в голове Дэна, и он начал возвращаться в реальный мир. Стал замечать детали вокруг себя. Услышал неровное дребезжание вентилятора, ощутил прохладную влажность футболки на спине. Дэн кинул взгляд в застекленное окошко, отделяющее студию от комнаты звукорежиссера: дядя Боря что-то подкручивал на микшерском пульте. Этого человека обычно трудно удивить, но то, что сейчас голова его двигалась еле заметно в такт музыке, вперед-назад по неподвижной, кирпичного цвета шее, значило, что и его пробрала атмосфера в студии, это ни с чем не сравнимое волшебство рождения.

Дядя Боря словно услышал мысли Дэна, скинул наушники на шею одним движением руки и ткнул кулаком с поднятым большим пальцем в стекло. Нравится. Рядом с окошком — Лёха, их соло-гитарист. Это он сочинил цепкий рифф, благодаря которому песня станет хитом, никаких сомнений. Лёха прислонился к колонке, длинная челка закрыла лицо. Совсем еще пацан. Пальцы бегают по грифу ловко и точно. В его годы Дэн так не играл, да и вряд ли когда-нибудь сможет. Талант от бога.

Возле стойки с усилителями — Саня Попов, басист. Подпрыгивает на месте, глаза закрыты. Красивый и мощный, как слон.

Человек-монумент, страшный на первый взгляд, но для близких — простой и надежный.

За барабанами со счастливой улыбкой на небритом лице — Андрюха Смирнов, по прозвищу Злой (его все так зовут, потому что добре человека во всей Москве не найти).

Музыка внутри Дэна и партии музыкантов наконец соединились. Почти идеально, как никогда раньше. Песня об ангеле-хранителе словно вздохнула полной грудью, обрела голос, а сам Дэн завис над аккордами чуть в стороне, на небольшой дистанции. Мысли его устремились вдаль, без определенной цели они понеслись по замызганным коридорам бывшего завода «Москвич», воспарили над весенней Москвой, над забитыми автомобилями дорогами и точками пешеходов, облетели тополя с набухшими, почти готовыми лопнуть почками и полетели выше, сквозь завесу тяжелых облаков к полуденному солнцу.

Дэн существовал сразу в нескольких местах, он словно распылчился по вселенной, став одновременно и небом, и луной, и даже каждым из музыкантов группы. Часть его сознания цеплялась взглядом за блики на плакатах, за плавные изгибы инструментов и возвращалась обратно к ритму барабанов, к переливам соло-гитары, к плотному рисунку баса, вниз от слепящего солнца к земле и снова в космос. В изумлении Дэн наблюдал за течением песни, за гармонией и пульсацией мелодии, которая так много для него значила и от которой, как он считал, зависело ни много ни мало его будущее. Неужели это он ее сочинил?

Играть было легко. Пальцы сами складывались в аккорды на грифе, Дэну только оставалось удивляться, что у него вообще было тело. Но, кроме музыки, приходилось еще контролировать дыхание, держаться на ногах, напрягая мышцы, отражать свет зрачками, проецируя его в мозг. Это он почувствовал вдруг и остро.

К середине второго куплета у Дэна слегка занемели пальцы на правой руке и закололо в плече. Кажется, так уже было с ним однажды. Воспоминание расплывалось, как кофейная капля

на салфетке, оно словно появилось из жизни, которой он никогда не жил. Дэн уже чувствовал когда-то эти легкие покалывания, тогда так сильно онемел язык, что он не мог говорить. Испуганные глаза с липкими от туши ресницами смотрели на него из треснутого мутного зеркала времени. Мама?

Ощущение пропало так же быстро, как и пришло, но онемение в руке осталось.

Песня приближалась к финалу; Дэн еще не был до конца уверен, насколько эмоциональной должна быть концовка, и потому чуть приглушил свою партию. Сыграл тише и немного позади основного ритма. Надо отдать должное барабанщику, он поймал его волну, приглушив ритм, и финал зазвучал по-новому, с нотками грусти.

Когда медь последнего аккорда растворилась в воздухе, они загалдели, перебивая друг друга.

— Слышал, как я перед припевом сыграл? — спросил Лёха.

— Клево. Оставь так, — кивнул Дэн.

Он сжимал и разжимал пальцы. Онемение поднималось по руке.

— Ну что, пишем? — крикнул дядя Боря в микрофон. — Готовы? Дэн кивнул.

— Тишина в студии! Пишем!

Зазвучал гитарный рифф. Он набирал мощь, будто поднимаясь из глубин океана, из абсолютной тьмы к свету. С каждой сыгранной нотой напряжение нарастало. Барабанщик коротко ударил в тарелку, акцентируя переход в основную тему, и тогда гитарный рифф вынырнул в брызгах нот на поверхность и закачался на волнах в мощном свинге. Еще удар в медь, и вступили бас и бочка. Следом зазвучала ритм-гитара Дэна; песня набирала ход, мчала на полных парусах к первому куплету, к вокалу, звучащему с легким запозданием, словно его сносило муссоном в соленых от слез брызгах. Сердце защемило от грусти, когда грохот барабанов оборвался, и остались слышны лишь легкие касания

щетками по тарелкам, как капельный перестук под аккомпанемент гитарного перебора.

«Ангел-хранитель». Дэн написал стихи к этой песне зимой, которая, как ему тогда казалось, никогда не закончится. Ранним утром, когда рассвет только коснулся лучом верхушек тополей за окном, Дэн словно сам стал ангелом, чьим-то бесплотным спутником в чужом мире, и записал все как есть. Грусть иногда может достигать такой интенсивности, что рождает нечто прекрасное. Этим она отличается от настоящей депрессии, бесплодной, как пустыня.

Следом за куплетом прозвенело виртуозное гитарное соло, и они с Лёхой запели припев. Вернее, запел только Лёха, а Дэн замер с раскрытым ртом. Слова застряли на онемевшем языке, как куски глины. Неповоротливые и тяжелые, они растягивали губы и вываливались на пол, который внезапно накренился и скользнул из-под ног.

Дэн попытался удержаться на шаткой поверхности, шагнул назад и вбок, опершись бедром о гитарный усилитель, но комната крутанулась, зазвенев жалобно струнами, и Дэн повалился на пол. На секунду все кончилось. Погас свет, время остановилось. А потом он услышал голос:

— Дэн!

Незнакомый, пугающий. Далекый.

«Что со мной? Где я?» — мысли речной галькой дробно рассыпались в мозгу, бескрайном и пустом, как развалины амфитеатра.

— Эй! — крикнул Дэн изо всех сил в ответ. Пятикратное эхо прокатилось, отражаясь от невидимых стен, хриплым старческим отзвуком вернулось назад и исчезло вдали.

— Денис! — далеко, будто за невидимыми горами, кто-то еще звал его. Голос показался знакомым, а потом зазвучал ближе и с другими интонациями: — Очнись, Дэн...

Чуть хриловатый, взволнованный голос настойчиво звал. Очнуться от чего? Ото сна длиною в жизнь? Но зачем? Вопросы придавили его, как кусок скалы. Стало тяжело дышать. В глухом

бесконечном вакууме, в котором он находился, ответов не найдется, это очевидно. Здесь для него ничего нет и никогда не будет. Только эхо голосов и чьи-то тяжелые шаги. Этот изумрудный свет, колышущийся перед глазами, он уже видел однажды. Воспоминание не из приятных.

Дэн не хотел больше находиться здесь, в этом чужом, враждебном времени. Он должен вернуться, пусть даже в сон, в котором жизнь пролетала мимо, в суету дней, в тридцать один год несбывшихся надежд. Но как же трудно сдвинуться с места!

И тогда луна повернулась обратной стороной, пол стал потолком, сегодня превратилось во вчера и защелкало днями, листая жизнь назад и наполняя все вокруг страшным зеленым туманом, приглушившим лунный свет до темно-оливкового. И настал день, который мучил его в болезненных кошмарах всю жизнь.

Пол в лифте грохнулся, кабина содрогнулась. Батя щелкнул кнопкой, и лифт пополз вниз, царапая проводами по стенам шахты. Внизу пахло кошками, на улице — снегом. Дэн знал, как все будет, словно смотрел уже сто раз виденный фильм. Они поедут на автобусе в центр, там отец купит ему мороженое, и кто-то злой толкнет, унизит. Вон он, приближается в уродливой, комом сидящей на голове коричневой кепке. И ничего не сделаешь — рот словно изолентой заклеен, а в руках нет силы. Тысячи иголок колют тело, и зеленый свет извивается северным сиянием на снегу.

Отец оглядывается — глаза веселые и хмельные, и сталкивается с человеком, ждущим встречи тут на углу последние двадцать лет. Человек кричит и замахивается на отца кулаком. Дэну так стыдно за отца, что слезы снова, как и тогда, бегут по лицу, затекают под рубашку, холодят. Сутулая спина человека в кепке пропадает в толпе, а потом Дэн выпадает из реальности, как и тогда. И все меняется.

Рука отца стала огромной, будто ее накачали велосипедным насосом, а здание, у которого они стояли, выросло до облаков,

пронзило их и унесло зеленую вывеску «Сбербанк» к самой луне. На онемевших руках Дэна защелкали зеленые искры, но то уже не были руки ребенка: этот шрам на запястье ему еще предстоит получить, кольца, серебряный браслет с хохочущим черепом — все это из будущего.

Дэн поднял взгляд на здание. Оно превратилось в черную башню, раскачивающуюся с жутким скрипом в воронке торнадо. В узких, как бойницы, окнах, в бледном мертвенном свете, шипя, извивались миллионы змей. Воздух наполнился болотной вонью, и пространство пронзили зеленые линии, образуя дрожащую решетку, а потом все исчезло в багровой вспышке.

Из темноты возникло лицо медсестры. Сонные глаза смотрели мимо. Из ее рта выпали два вялых равнодушных слова.

Он умер.

Завыла мать, ноги ее подкосились, и она опустилась на кафель.

Тогда Дэн второй раз вывалился из обыденности. Мир перед глазами лопнул, зеленые искры пробежали по рвущейся материи, и Дэн, не сходя с места, унесся вопящим комком энергии, сгустком боли в безграничное неведомое. Секундная стрелка квадратных часов в коридоре реанимации с оглушительным щелчком сдвинулась на одно деление в будущее и застыла, подрагивая. Время тут не работало.

Умер. Она ведь так сказала? Дэну стало трудно дышать, больно думать. Хотелось вопить и крушить все вокруг. Он посмотрел вниз на маму и захлебнулся жалостью. Ей-то сейчас какво?

За покрытым голубой краской стеклом на операционном столе лежал отец. В зеленом свете его лицо казалось вылепленным из воска. Оно было спокойным, словно отец разом получил ответы на все вопросы. Дэн теперь видел все. Взгляд мог проникать за самые толстые двери, минуя замки и засовы. Его переполняла неведомая сила.

В газетах это назовут необычным погодным явлением, локальным ураганом при общей метеостабильности, который буквально

снес, вырывая с корнями, небольшой сосновый лес недалеко от Новосибирска. А у Дэна появился тонкий белый шрам на запястье. Многие потом будут думать, что это отметина после неудачной попытки самоубийства, а он будет говорить всем, что поранился, когда ударил кулаком в настенные часы — не мог больше выносить рыданий матери.

Мозг запер эти воспоминания, ограничил к ним доступ. Слишком больно. Невыносимо страшно. С годами память о зеленом свете потускнела, и Дэн уже не мог различить тонкую грань между реальностью и бредовым сном, который остался тлеть на подкорке. Глубоко внутри, под тяжелым замком он спрятал ужас и понимание, что с ним не все в порядке.

Скала, придавившая его, исчезла, Дэн вздохнул и открыл глаза.
— Он очнулся!

Зеленый туман развеялся, он смог различить лица друзей, столпившихся над ним, и улыбнулся.

— Еще и лыбится! — Андрюха пощелкал пальцами перед лицом: — Ты в порядке? Встать сможешь?

— Угу, — выдавил Дэн. Язык еле шевелился во рту, как кусок дешевой колбасы, скользкой и невкусной.

Ему помогли подняться и посадили на табурет под плакатом группы «Линард Скинард», на котором музыканты стояли, охваченные пламенем.

— На-ка вот, — дядя Боря накапал что-то из стеклянного пузырька на кусочек сахара и протянул ему. В воздухе разнесся знакомый запах — так пахло в комнате его бабушки. — Подержи во рту, пока не рассосется. Должно полегчать.

Через пару минут и вправду стало лучше. Онемение потихоньку проходило, но пришла головная боль. Такая сильная, что Дэн поморщился.

— Я что, головой стукнулся, когда падал? — спросил он.

— Да нет вроде, — ответил Лёха, — ты так ловко сложился, даже гитара не пострадала.

— Тебе, это... к врачу сходить надо, — сказал Санька.

— Все на сегодня тогда? — предложил Лёха. Было заметно, что мысленно он уже в другом месте. Наверняка с какой-нибудь смазливой девчонкой.

А как же песня? Надо закончить запись, чтобы начать ее продвигать. Их ждал успех, а Дэн совсем расхлябался.

— Не переживайте, пацаны! Я первый дубль записал, — успокоил всех дядя Боря. — Как по мне, идеально сыграли. Почищу кое-где, может, из второй записи что добавлю, вот и демо готово. — Он поднял руку в шутовском салюте. — Ладно, если что, я в операторской.

Если что — значит, нужно занести деньги за запись. Дэн встал с табурета, жестом показав, что справится сам, и прошелся по студии, разминая ноги. Он в порядке. Почти. Медленно, будто делая это впервые, Дэн сложил гитару и примочки в футляр. Руки плохо слушались, рот был полон слюны, приходилось то и дело сглатывать. Зеленая решетка все еще стояла перед глазами, низ живота холодил ужас. Он на секунду зажмурился, отгоняя наваждение.

— Я отвезу тебя до дома, — предложил Лёха.

Из всех участников группы только у него была машина, дряхлый «Форд-Фокус». Обычно он довозил всех до метро.

— Ладно, — кивнул Дэн, — зайду пока к дяде Боре.

Дядя Боря лежал на диванчике и смотрел футбол на экране крошечного телевизора. В комнате пахло бражкой и заношенной одеждой.

— Кто играет? — спросил Дэн. Он не любил футбол, но поддерживать разговор о нем мог. Частенько это помогало в делах.

— Нарезку с чемпионатов Европы смотрю.

— Понятно.

— Ну как ты? — спросил дядя Боря. — Лучше?

Дэн кивнул.

— Вот деньги, — он достал бумажник и отсчитал несколько купюр.

— До дома доберешься?

— Лёха довезет.

— Ну, давай тогда!

Дэн вышел в коридор. Контраст между стильным убранством студии и другими помещениями бывшего автозавода «Москвич» был так велик, что Дэн каждый раз поражался, хоть и бывал здесь дважды в неделю уже больше трех лет. Облупленная краска на стенах, разбитые полы, клочьями свисающая с потолка побелка вперемешку с паутиной — это любого повергнет в шок. Сколько еще в Москве таких заброшенных мест под защитой сонных охранников в пыльных конторках? И не сосчитать.

Дэн всегда старался уйти отсюда как можно скорее, но сегодня в его шаге не было обычной упругости. Казалось, прошла вечность, прежде чем он спустился на первый этаж. Солнце с трудом просачивалось сквозь мутные витрины. Дэн прошел через вертушку, не глядя на охранника, и вышел из проходной. Дверь за ним захлопнулась с таким грохотом, что спугнула стайку голубей, копошившихся на лысом газоне.

А на улице цвела весна. Главное, что нужно помнить про это время года, — не стоит злиться на временные неудобства. Надо лишь пережить пару переходных недель, пока сходит снег, обнажая всю накопившуюся грязь, пока все течет мутными реками по улицам, капает с балконов, чавкает под ногами и когда не хочется думать, по какой дряни ты только что прошел.

Машина была припаркована прямо у крыльца завода, при этом бампер завис над первыми двумя ступеньками. Мотор «форда» бодро почихивал, салон был полон музыкантами, и это наводило на мысли о гастрольном туре.

Дэн подошел к водительской двери и только хотел постучаться в окно, чтобы попросить открыть багажник, как Лёха выскочил из машины и вырвал из рук гитарный кофр.

— Ты садись, я сам...

— Значит, нужно грохнуть в обморок, чтобы к тебе проявили уважение как к старшему товарищу? — сказал Дэн, садясь на любезно оставленное для него переднее место. — Я это запомню.

Сквозь запах пота и бензина в салоне пробивался нежный аромат духов. Неожиданно свежий и отчетливо знакомый, он тут же исчез, словно и не было. Или Дэну только показалось?

Он откинул голову на подголовник. Хлопнула крышка багажника, ввалился Лёха и обратился к сидящим сзади:

— В салоне не курить, на борту раненый.

Машина взревела, резво сдав назад, прокатилась широкой дугой по парковке и рванула к Волгоградскому проспекту.

Глава 2

До метро домчались меньше чем за минуту. Андрюху и Саню сзади синхронно мотало, как бобслеистов на трассе. Лёха был дерзким, но не очень уверенным водителем. Дэну все время хотелось топнуть по несуществующим тормозам, а руки сами собой искали, за что зацепиться.

— Здесь останови! — крикнул Андрюха.

Лёха вырулил на обочину, не доезжая до входа в метро. «Форд» на холостых оборотах ревел, как ракета на старте, приборная доска мелко дрожала. Музыканты быстро вытащили вещи из багажника. Наклейки на большом черном кейсе с бас-гитарой красноречиво говорили, что хозяин — любитель тяжелого рока. Саня и сам выглядел устрашающе. Тем более удивительным показался контраст его внешности с кроткой улыбкой, когда он помахал на прощанье рукой и зашагал к метро. При каждом его шаге, огромном, словно он переступал через пропасть, кейс наклонялся вниз и возвращался назад, как маятник, едва не соприкасаясь с асфальтом. Андрюха катил за собой тележку с тарелками и барабаном в черном пыльном чехле, колеса весело скрипели.

Лёха посигналил и вывернул на дорогу. Машина, чихнув мотором, понеслась вперед.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ 1

Глава 1.....	5
Глава 2	17
Глава 3.....	22
Глава 4	29
Глава 5.....	49
Глава 6	60
Глава 7.....	64
Глава 8	75
Глава 9	85
Глава 10	94

ЧАСТЬ 2

Глава 11.....	109
Глава 12	119
Глава 13	123
Глава 14	144
Глава 15	157
Глава 16	163
Глава 17	172
Глава 18	190
Глава 19	193
Глава 20.....	208
Глава 21	214
Глава 22.....	226

ЧАСТЬ 3

Глава 23	253
Глава 24	263
Глава 25	283
Глава 26	299
Глава 27	310
Глава 28	323
Глава 29	345
ЭПИЛОГ	359